сказами) должна, как и шахматовские схемы, строиться не на отдельных наблюдениях, а на учете всего относящегося к данной теме материала, всех летописей, содержащих исследуемый рассказ. После исследований А. А. Шахматова, писал М. Д. Приселков, «всякий исследователь должен теперь приступать к работе через изучение сводов, зародившихся в эту пору, как бы ни была трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочесть, о чем и как говорит летописец».[23] Этот принцип, обязательный для историка, использующего летопись как источник, столь же обязателен для филолога, изучающего летописание как литературный жанр.

* * *

Исследуя художественное творчество древней Руси, советские литературоведы не раз обращались к летописям, высокие литературные достоинства которых были убедительно показаны в работах В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева. Важнейшая роль летописания в развитии древнерусской литературы едва ли может вызывать сомнения у современных литературоведов.

Но не сомневаясь в правомерности включения летописей в курс древнерусской литературы, литературоведы иногда впадают в иную крайность: они совсем стирают грань между летописанием и собственно художественными жанрами (такими, например, как повесть), объясняя все особенности летописей, отличающие их от современной литературы, особенностями «эстетического сознания» древней Руси.

Особенно последовательно проводил эту точку зрения И. П. Еремин в монографии «Повесть временных лет». Книга И. П. Еремина не может рассматриваться как исследование, противостоящее по своему методу работам А. А. Шахматова: хотя И. П. Еремин и отвергал мнение А. А. Шахматова (и М. Д. Приселкова) о политической пристрастности летописца,[24] но он не учитывал, что это мнение было выводом, сделанным в результате сравнения текстов, — метода исследования, приведшего к такому выводу (анализ изменений, внесенных последующими летописцами в предшествующие редакции), И. П. Еремин не разбирал и не оспаривал.[25] Но критическая часть — не главное в книге И. П. Еремина. Гораздо важнее и интереснее позитивные взгляды исследователя, а именно данная им характеристика «Повести временных лет» как литературного памятника. Своеобразие летописи по сравнению с литературными памятниками нового времени И. П. Еремин видел не только в особой «философии истории» у летописца (провиденциализм, вера в непосредственное вмешательство бога и диавола в человеческие судьбы — взгляды, довольно обычные для средневекового автора), но и в особом художественном методе, состоящем во фрагментарности повествования (погодный принцип), в противоречивости образов (неоднократные «превращения» героев в злодеев и наоборот). Особенности эти, по мнению исследователя, носят характер внутренне-закономерной системы и могут рассматриваться

---

[23] М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС, т. XXV, Пгр., 1922, стр. 134.

[24] И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1960, стр. 59—64; ср.: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе, стр. 37—38.

[25] Мы не можем поэтому согласиться с Ю. М. Лотманом, считающим, что И. П. Еремин, «стремясь оспорить безусловность шахматовских реконструкций, попытался опровергнуть правомерность тех дифференциальных признаков, из которых Шахматов построил элементы своей системы, и предложить новые...» (Семиотика. Труды по знаковым системам. Вып. III. Тарту, 1967, стр. 364).